

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

П.С. Гуревич

ОБРЕЧЕН ЛИ ДЕСПОТИЗМ?

В XX веке в форме фашизма, нацизма деспотия окончательно показала всю свою ущербность. Но это вовсе не значит, что исторический урок воспринят повсюду и всеми адекватно. Рецидивы прошлого исключать никогда не следует. В рождающемся информационном обществе (так современные прогнозисты называют цивилизацию XXI века) могут снова возродиться тиранические сюжеты, иллюзии возможной тотальной власти над человеком. Можно ли этого избежать? Можно ли надеяться, что человечество, взрослея, одновременно и умнеет?

Как долго мы грезили о свободе... Казалось, когда «оковы тяжкие падут» и рухнут темницы, все стороны нашего бытия обретут состояние гармонии и блаженства. Теперь мы пьем ее, возделенную, большими глотками. Но с каждым новым глотком чувствуем горечь. Распад Союза. Ничем не ограниченные политические противостояния. Свобода предпринимательства с ее мафиозными кошмарами. Агрессивные неформалы. Необузданные национальные чувства... Тотальное наступление на оппозицию. Что это — свобода или ведущая к анархии вседозволенность под её пиком.

Итак, что мы знаем о свободе сегодня? Прежде всего то, что она выступает как общечеловеческая ценность. Люди стремятся к свободе, ибо только в ней и через нее можно реализовать созидательный человеческий потенциал. Однако свобода не выступает как общеобязательный принцип. В общественном сознании легко можно обнаружить феномен «бегства от свободы», который чреват опасностью деспотизма, то есть подавления свободы.

Вместе с тем важно различать свободу и своеволие. Свобода — нравственный императив, то есть нравственное побуждение, веление, требование. Она предполагает не только преодоление различных препятствий на пути человека, но и сознательное ограничение определенных порывов, которые могут обернуться несвободой для других.

Трудно заподозрить Н.А. Бердяева в приверженности к авторитаризму. Ведь именно он был ярким представителем персонализма в России, философской традиции, восславившей свободу человека. Но он-то и писал: личность перестает быть личностью, если превыше ее нет ничего... Духовный опыт человечества подсказывает: нередко реальная свобода рождается благодаря возможности ввести ее в определенные берега.

Сегодня в общественном сознании легко обнаружить феномен «бегства от свободы». Но это чревато опасностью тоталитаризма, деспотии и диктатуры.

*«Еще закон не отвердел,
Страна шумит как непогода.
Хлестнула дерзко за предел
Нас отравившая свобода»*
(Сергей Есенин)

Принцип охлократии — никакой суверенности личности. Никакого цивилизационного согласия. Торжествует спайка и сила. Жизнь охлократии всегда находится на грани хаоса. Нужны регулятивные механизмы. Путем указов невозможно катапультировать общество в новое общество. Поэтому рождается опасность авторитарной власти. Вот почему актуальной оказывается мысль Карла Манхейма: «Демократия разрушает самое себя...»

Судьба всех существовавших в истории деспотических режимов показала, что деспотизм вообще как модель социального устройства исторически обречен, он бесперспективен. Разумеется, попытки создать тираническое общество еще возможны. Но исторически более стабильным и продуктивным оказывается такое общество, в котором есть свобода.

Никакая самая изошренная тирания, на какой бы разветвленный аппарат она ни опиралась, не способна загнать человека в тупик, парализовать его полностью. Когда же это частично удается,

само общество погружается в кризисное состояние.

Тоталитарный строй (нацизм, сталинизм) показал, что деспотия в экстремальных условиях оказаться действенной. Жёсткость дисциплинарного поведения, принудительность труда, всеобщая мобилизация могут вызвать подъём экономики. Но ничего, кроме концлагеря нельзя построить на человеческих жертвах, на беззащитной эксплуатации человеческого материала.

Сегодня мы сталкиваемся с попытками восстановления диктатуры в ее правах. На российских книжных рынках появилась книга немецкого классика политической мысли Карла Шмита. Комментируя выход этой книги, известный отечественный политолог А. Дугин отметил в «Литературной газете», что еще со времен Ш. Монтескье термин «диктатура» воспринимался не как оценочный. Это слово выражало идею чисто технических средств, которые нужны для наведения порядка в обществе. С его помощью политико-юридические аспекты отдельных периодов римской истории, в частности эпохи правления Суллы или Цезаря, а также похожих режимов в других обществах достигали успеха¹.

Но так ли это на самом деле? История представлялась Ш. Монтескье как многообразие обычаев, нравов, привычек, идей, законов, различных социально-политических институтов. Французский социолог стремился показать, как можно превратить бесконечное разнообразие в осмысленный порядок. Монтескье различает три формы правления: республиканский, монархический и деспотический. Природа каждого правления определяется числом суверенной верховной власти. Режимы, при которых имеется только один обладатель верховной власти, — это монархия и деспотизм. Но при монархическом режиме единственный обладатель власти правит по единым, твердо установлен-

ными законам, тогда как при деспотизме — без законов и правил.

А. Дугин предлагает восстановить диктатуру как политическое понятие в своих правах. Он пишет: «Диктатура возникает тогда, когда она затребована исторической ситуацией. И в этом случае в ней нет ничего вопиюще аморального. Постараемся и мы оторвать термин «диктатура» от моральной оценки»². Автор отмечает, что впереди нас ждет диктатура. Но отчаиваться не стоит. Во-первых, нам не привыкать, а, во-вторых, есть основания считать, что на сей раз она будет отвечать интересам не узких групп олигархов и даже не классов, но всего народа, интересам нации, интересам России.

Однако точно ли, что термин «диктатура», который приравнивается к деспотии, носит внеочередной характер, начиная с Монтескье? Вот что пишет по этому поводу французский социолог Раймон Арон: «В деспотизме Монтескье показывает, так сказать, абсолютное политическое зло. Видимо, деспотизм неизбежен, когда государства становятся слишком крупными, но деспотизм — это режим, при котором без правил и законов правит один человек, а следовательно, над всеми царит страх. Хочется сказать, что как только воцаряется деспотизм, каждый человек начинает бояться всех остальных»³.

Однако тоска по диктатуре, по «сильной руке», по порядку становится весьма заметной в современном арсенале ценностных ориентаций. Многие публицисты и политологи выражают неприязнь демократии, разочарование в либеральных ценностях, в идее свободы. Снова в ходу известная цитата из Н.А. Бердяева: «Либерализм, демократия, парламентаризм, конституционализм, юридический формализм, гуманистическая мораль, рационалистическая и эмпирическая философия — все это порождение индивидуалистического духа, гуманистического самоутверждения, и все они отживают, теряют прежнее значение. Все это отходящий день новой истории»⁴.

¹ Литературная газета. 2006. № 36.

² Там же.

³ Раймон Арон. Этапы развития социологической мысли. М., 1993. С. 43.

⁴ Бердяев Николай. Философия творчества, культуры и искусства. М., 1994. С. 417.